

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316. 722 (347)

Поколение KZ: в поиске культурной идентификации

KZ generation: in search of cultural identity

Тесленко А.Н., Кокшетауский университет им. А. Мырзахметова, teslan@rambler.ru

Teslenko A., Myrzakhmetov Kokshetau University, teslan@rambler.ru

DOI: 10.34772/KPJ.2020.140.3.039

Статья подготовлена в рамках проекта Комитета науки МОН РК ИРН АРО5132539 на тему: «Юногика: теория и практика молодежной работы в условиях модернизации общественного сознания».

Ключевые слова: теория поколений, молодежь Казахстана, ценности молодежи, поколение «меллениалов»/«центениалов», идентификация личности, интернет, социокультурная стратификация, традиционализм, евроцентризм, культурная социализация.

Keywords: generations theory, Kazakhstan youth, youth values, "mellenial/ceniental" generation, personality identification, Internet, sociocultural stratification, traditionalism, eurocentrism, cultural socialization.

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена необходимостью изучения проблемы культурной идентификации молодых казахстанцев через призму социологической теории поколений. Цель статьи заключается в научной полемике с зарубежными авторами в оценке ценностей и образа жизни молодого поколения казахстанцев. Опираясь на данные социологических исследований последних лет, автор анализирует структуру ценностей поколений «меллениалов» и «центениалов» – «поколения Назарбаева» (М. Ляруэль), или в авторской интерпретации «поколение KZ». В статье предложено рассматривать особенности социокультурной идентификации и социализации молодых казахстанцев через призму метальной дилеммы «Запад-Восток». Доказано, что традиционные ценности – главная характеристика современной молодежи Казахстана, не мешают ей интегрироваться в мировое информационное пространство. Статья предназначена для специалистов в сфере молодежной работы и государственной молодежной политики, педагогов системы образования, научных работников.

Abstract. The relevance of the article is caused due to the need of studying the problem of young Kazakhstani citizens cultural identification through a prism of the sociological theory of generations. The purpose of the article consists in scientific polemic with foreign authors in an assessment of values and a way of the younger generation life. Being guided by data of sociological researches of the last years, he analyzes structure of values of "mellenial" and "tseniental" generations – "Nazarbayev generations" (M. Laruelle), or in author's interpretation "KZ generation". In article it is offered to consider features of sociocultural identification and socialization of young Kazakhstan citizens through a prism of a metalny dilemma "West-East". It is proved that traditional values - the main characteristic of modern youth of Kazakhstan, do not prevent it to integrate into international information space. The article is intended for experts in the sphere of youth work and the state youth policy, teachers of an education system, scientists.

Где ты молодая шпана,
Что сметет нас с лица Земли?
Б.Г. и «Аквариум»

Введение. Общественная риторика последних лет породила немало иллюзорных мифов о молодежи, то идеализирующих, то пугающих старшие поколения, порождая многочисленные

«моральные паники» в общественном мнении. Между тем, ювенологические исследования показывают, что только глубокое и всестороннее изучение интересов и жизненных планов,

ценностных ориентаций и образа жизни молодого поколения в конкретных историко-культурных условиях позволяет объективно оценивать социокультурные процессы в обществе и прогнозировать перспективы его развития.

Культурная идентификация молодежи как объект социологических исследований привлекла внимание социологов в конце 1980-х – начале 1990-х годов в связи с формированием в молодежной среде новых типов идентичностей и культурных практик. Под культурной идентификацией исследователи понимали не только процесс самоощущения внутри конкретной культуры (З. Фрейд), переживания чувства принадлежности к национальной культуре и интериоризацию ее ценностей (И.С. Кон, А.С. Панарин, Л.Г. Ионин и др.), но и конструирование новых типов культурных практик и «молодежных идентичностей» (Е.Л. Омельченко, К.В. Сергеева). Исследования последних лет показывают, что взаимодействие молодого поколения с социокультурной средой идет по нескольким векторам развития: западный, восточный и евразийский [4-6;9]. На основе сплава и взаимопроникновения в современный социум происходит модернизация общественного сознания, основным локомотивом которого является молодежь.

В Казахстане за последние два-три года произошли кардинальные изменения на политической сцене, прежде всего, передача Нурсултаном Назарбаевым власти, серия массовых протестов, заставивших многих экспертов заговорить о месте и роли молодежи в социально-политической модернизации страны. Возрастание значимости «молодежного вопроса» в условиях перехода власти и формирования новых структурных и культурных позиций молодых казахстанцев актуализировали потребность в глубоком изучении процессов культурной идентификации в казахстанском обществе.

Материалы и методы исследования. Одним из первых казахстанских исследований в этой области стала авторская работа «Культурная социализация молодежи: казахстанская модель» (2007), в которой проанализирован социокультурный потенциал казахстанского социума и предложены концептуальные подходы к организации культурного пространства молодежи на этапе транзитного общественного развития Республики Казахстан [9].

Значимым явлением в казахстанской социологической науке с 2001 года стало решение правительства о подготовке ежегодных Национальных докладов «Молодежь

Казахстана», посвященных анализу положения молодежи и состоянию государственной молодежной политики. На основе социологических исследований, официальной статистики и данных других государственных органов в докладах показана динамика ценностных ориентаций, установок, интересов и мотивов казахстанской молодежи, характеризующая ее как феномен социальной жизни и субъект социальных отношений [5].

Большой интерес для понимания проблемы культурной идентификации казахстанской молодежи представляет фундаментальная работа, подготовленная казахстанскими и немецкими социологами в рамках проекта Фонда Ф. Эберта в Казахстане. В 2014 году, опираясь на адаптированную к условиям и особенностям Казахстана методологию известного в Европе проекта Shell Youth Study, были исследованы основные сферы интересов, жизненных стратегий и повседневных тактик, ценностей и представлений молодежи, а также проблемы и риски, с которыми она сталкивается в процессе социализации [6].

Данная работа инициировала серию публикаций в казахстанских и зарубежных СМИ, среди которых, на мой взгляд, наиболее интересной является книга директора Института европейских, российских и евразийских исследований (IERES) профессора университета им. Дж. Вашингтона Марлен Ляруэль «Поколение Назарбаева: молодежь в Казахстане», подтолкнувшая меня к написанию данной статьи [16]. В научной полемике с зарубежным автором хотелось бы выявить реальные черты молодого поколения казахстанцев, их ценности и образ жизни, так сказать, «изнутри». Данная статья базируется на вторичном анализе социологических данных последних лет.

Результаты исследования. В нашем анализе мы будем опираться на популярную среди социологов теорию поколений американских ученых Нейла Хоува (Neil Howe) и Уильяма Штрауса (William Strauss), предложивших оперировать не возрастными параметрами при исследовании поколенческой проблематики, а глубинными ценностями той или иной эпохи [15]. Ученые научно обосновали циклы появления новых поколений через каждые 20 - 25 лет, ценности и модели.

В своём изначальном варианте теория строилась исключительно на исследованиях американского общества, позднее принципы теории поколений были использованы и для анализа поколенческих процессов в других странах, в том числе и на постсоветском

пространстве. Правда, водораздел между поколениями постсоветских стран смещен на 5 - 10 лет по сравнению с США, что связано с более серьезными последствиями Второй мировой войны и более поздними социальными изменениями, в том числе в институте семьи, и со временем скоростью проникновения Интернета.

В адаптированном виде для стран СНГ, в том числе Казахстана, классификация поколений выглядит следующим образом:

- поколение Строителей (GI) или Великое поколение (1900-1923 гг. рождения), представителей которого практически уже нет в живых, заставших коренный слом привычных социальных парадигм (Первая и Вторая мировая война, Великая Октябрьская революция 1917 года, коллективизация и т.п.); люди этого поколения формировались на таких ценностях, как, с одной стороны, вера в собственные силы, с другой – поиск своего «Я» и смысла жизни;

- «Молчаливое поколение» (1924-1943), пережившее сталинские репрессии, Великую отечественную войну, восстановление разрушенной страны;

- поколение Беби-бумеров или поколение «победивших» (1943-1960 гг.), выросших с гордостью по супердержаве и достижениям СССР, что сформировало его основные ценности: оптимизм, морально-нравственные принципы, коллективизм и командный дух, культ молодости;

- поколение X или «дети с ключом на шее» (1961-1982 гг.), родившиеся в «холодной войны» и «закрытого занавеса», для которых характерен большой запас жизненных сил, самостоятельности, прагматизма, стремления к личностному росту и гиперзаботе о своих детях;

- поколение Y или «миллениалы» (1983-2000) – первое поколение эры цифровых технологий и глобализации, переживших распад СССР и транзитный этап формирования независимых государств; оно мобильно, образованно, нацелено на комфорт, карьеру и самопознание;

- поколение Z или «центениалы»/Homeland Generation (2000-2010) – первое поколение социальных сетей и интернета, не привязанное к месту рождения, не политизированное и эмоционально демонстративное;

- Alpha-поколение, представители которого только недавно родились (после 2010 года), и ценности которых еще не устоялись [3, с.221].

В целом, проблема поколений – это вопрос идентичности. А идентичность есть соотнесение себя с другими – другими поколениями, другими

культурами, другими этносами. Данного рода поиски идентичности глубоко актуальны для молодых казахстанцев. С одной стороны, Казахстан традиционно относят к тюркской *протоцивилизации* (т.е. не сложившаяся до конца как цивилизация), не создавшей своих единых цивилизационных ценностей, если не считать некоторые элементы воинственной культуры и экспансионистские ценности; с другой – это мусульманская страна, но без жесткой религиозной регламентации социального поведения.

Если в цивилизационном плане Казахстан всегда принадлежал к тюркско-мусульманскому миру, то культурно – это русско-советская общность. Доминирование русской культуры как культуры-донора в советский период вытесняло традиционную культуру и обычаи казахов на периферию домашнего быта, в сельскую отсталую глубинку, образовав раскол между русскоязычными (городскими) и казахоязычными (аульными) казахами. В условиях независимости эти межкультурные противоречия приобрели новые тенденции [9, с.196].

Казахстан, как мультинациональное и многоклановое образование, за более четверть века независимости так и не сформировал единого культурного поля, в котором представители разных национальностей и социальных групп имели бы общие ценности и ориентиры, и осознавали бы себя единым народом. Межкультурные противоречия разрывают Казахстан на социокультурные полюса *евроцентризма* и *традиционализма*. *Евроцентристский полюс культурного развития* ориентируется на ценности индустриально-урбанистической цивилизации, либерализма, западной демократии и рыночной экономики. *Полюс традиционализма* основывается на традициях аграрно-кочевой цивилизации и господстве патриархального родоплеменного (жузового) патерналистского менталитета аульной среды.

Межкультурные противоречия между социокультурными полюсами общества обусловили параметры *моделей социализации молодежи*, определяемых соотношением возможностей согласования и удовлетворения ее базовых, социальных и духовных потребностей по отношению к цивилизационно-исторической вертикали или оппозиции «аул – город». Обобщенные результаты моделирования представлены на Рисунке 1.

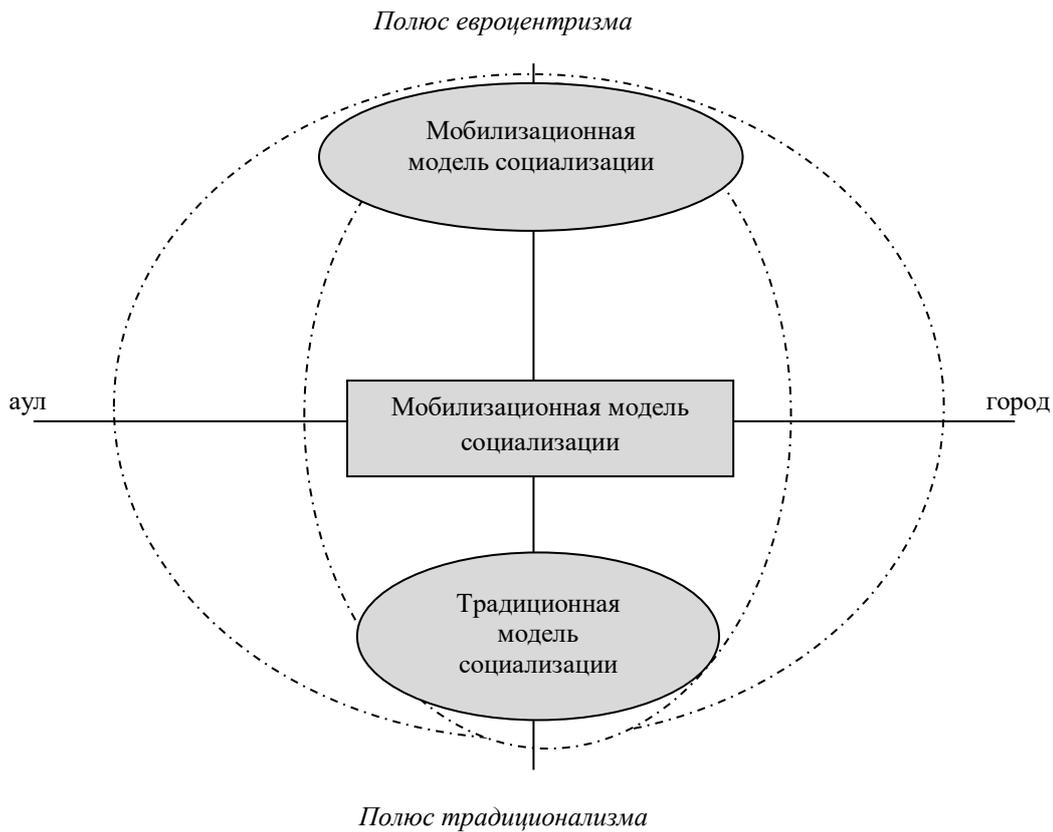

Рисунок 1. - Социкультурная стратификация казахстанского социума

Прежде всего, выделяется многочисленная *традиционная модель социализации*, присущая многочисленной части аульной молодежи и городских мигрантов, первое поколение которых родилось в казахском (или смешанном) ауле с его традиционно-патриархальной культурой, авторитетом старших, приоритетом рода, жуза и, в конечном счете, – государства над отдельной личностью. Обычно они заканчивают казахскую школу, говорят и мыслят преимущественно на казахском языке, по отношению к ним русско-европейская культура выступает как иноэтническая, чужеродная культура. При переезде в русскоязычный город с его индивидуалистической цивилизацией, иноязычной языковой средой они испытывают сильный социально-психологический дискомфорт, культурный шок. И хотя они постепенно осваивают городской образ жизни, новые ценностные ориентации и привычки, тем не менее, изжить свою маргинальность и традиционную ментальность им не удается.

Следующую модель социализации казахстанской молодежи можно назвать *мобилизационной*. Она характерна для русскоязычной молодежи с сельской местности и некоторой части казахской молодежи, находящейся на стыке двух культур – казахской и русско-европейской, между аульной и городской

культурой. Отличительной его чертой является то, что оно происходит под влиянием внешних, экстремальных факторов, прежде всего, неравных стартовых условий социализации по сравнению с урбанизированной молодежью. Они характеризуются этнокультурным и языковым дуализмом (они наполовину казахи, наполовину русские), двумя главными детерминантами – это сельское происхождение (цивилизационный компонент) и русское образование (этнокультурный компонент). Они более толерантны к неказахским этносам, органично впитали в себя как русско-европейскую, так и традиционно казахскую культуру, говорят и мыслят по-русски так же легко, как и по-казахски, хотя не все из них владеют литературным казахским языком.

Наконец, *модернизационная модель социализации*, характерная для городской русскоязычной молодежи, среди которой выделяется малочисленная (менее 3 - 5%) группа выходцев из семей казахских интеллигентов второго и третьего поколения. Они с детства как в родной стихии выросли в городской культуре, в русско-европейской культуре, а русский язык чаще всего является их родным и единственным. Как продукт городской цивилизации они более восприимчивы к индивидуалистическому рыночному мироощущению с его опорой на

собственную личность, а не на родовые общинно-коллективистские или этатистские приоритеты.

На базе данной социокультурной стратификации рассмотрим более подробно ценностные ориентиры двух поколенческих групп – миллениалов и центениалов (в интерпретации Марлен Ляруэль «Поколение Назарбаева»).

Миллениалы – молодые люди в возрасте 20 - 33 лет, на глазах которых на три десятилетия власти Н. Назарбаева Казахстан из «постсоветской республики» развился в авторитетного субъекта международных отношений с устойчивой политической системой и конкурентоспособной экономикой. Удельный вес этого поколения в молодежной когорте самый высокий – 39,7% [5, с.131]. Это поколение «болашаковцев» (первых выпускников президентской программы зарубежных образовательных грантов «Болашақ») – амбиционных молодых людей, нацеленных на карьерный рост и быстрое обогащение в условиях формирования новой национальной элиты.

Перенос столицы из Алма-Аты (1993) в Целиноград (ныне Нур-Султан) стимулировал долгожданное омоложение государственного управления на всех уровнях власти. Этот процесс активизировал, прежде всего, городских русскоязычных казахов из группы «модернизационной» социализации. Они – хорошо образованы, мобильны и прагматичны. Высшее образование для них лишь инструмент карьерного роста и благополучия. Им свойственно оттягивание взрослой ответственной

жизни на долгую перспективу, чем значительно отличаются от предыдущих поколений.

Социолог Кэтлин Шапутис (*Kathleen Shaputis*) назвала это явление «синдромом переполненного гнезда» [17], но более точным в контексте казахстанских реалий я считаю свой вариант этого явления – «лысые мальчишки» [10]. Под этим общим мемом подразумевается «синдром Питера Пена»: молодые люди, как и герой романа Дж. Барри, не желают взрослеть и живут в собственной зачарованной стране, полной инфантильного очарования.

«Игреки» – первое поколение, у которого нет героев, есть только кумиры. Развал СССР вызвал весьма болезненную ломку культурно-ценностных ориентиров, что вызвало у значительной части молодежи состояние культурного шока и возрастное желание «спрятать голову в песок».

Марлен Ляруэль справедливо называет их конформистами. «Они верят в семейные ценности, материальный комфорт, не бросают вызов ценностям родителей, воспринимают высшее образование только как способ получить хорошую работу, считают, что построить карьеру и устроить жизнь им помогут социальные связи» [16, р.8]. Исследования последних лет [5;6] убедительно показывают примерно одинаковое соотношение материальных и духовных ценностей в системе ценностных ориентиров казахстанской молодежи. Обобщенные результаты приведены в диаграмме на рисунке 2.

Рисунок 2. - Ценностные ориентиры молодых казахстанцев [6, с.83]

Крайне важным для этого поколения стало самовыражение (селфимания, флеш-мобы и т.п.), чему интернет и коммуникационные технологии придали желанное ускорение. Стремление приумножить свое «Я», выделиться из толпы, быть индивидуальным, стало краеугольным камнем молодежной культуры в Казахстане, особенно среди так называемой «золотой молодежи». «Поколение ЯЯЯ» (от англ. *MeMeMe*) фиксирует каждый свой шаг (*FitBit*), местоположение (*Foursquare*) и генетические данные (*23 and Me*). Нарциссизм как личностная характеристика личности встречается у нынешних двадцатилетних втрое чаще, чем у старших поколений. По мере взросления, они получают такое количество поощрительных призов за участие во всевозможных конкурсах и соревнованиях, что 40% из них рассчитывают на повышение каждые два года, вне зависимости от успехов [8].

«Игреки» взаимодействуют с миром круглые сутки, но в основном через экран. Встречаясь друг с другом, они продолжают писать сообщения в телефоне. 70% из них проверяют свой телефон каждый час, многие испытывают синдром фантомной вибрации в кармане. Постоянный поиск дозы дофамина («Кто-то лайкнул мой пост на фейсбуке!») снижает креативность. По данным тестов Торранса, креативность молодежи росла с середины 1960-х до середины 1980-х. Затем падала – и резко обвалилась в 1998-м. Начиная с 2000 года аналогичное падение показателей наблюдается относительно эмпатии, которая необходима, чтобы интересоваться другими людьми и точками зрения. Это, вероятно, связано с ростом нарциссизма и нехваткой коммуникаций «лицом к лицу».

Интернет, урбанизация и вестернизация всех сторон социальной жизни сформировали новое поколение невероятно самоуверенных и заикленных на себе людей. Причем, все это уже не проблема сугубо богатых: бедные даже более нарциссичны, материалистичны и зависимы от технологий.

Миллениалы более восприимчивы к идеалам западной демократии, гуманизма, либерализма, интернационализма и общечеловеческих ценностей. Но дилемма «Восток - Запад» в их сознании: европейские ценности – права и свободы личности, диктатура закона, свободный труд, гуманное отношение к женщине, технический прогресс, тем ни менее, не логично сочетаются с «азиатчиной». Как образно описал ситуацию известный казахстанский публицист Сергей Дуванов: «в своем реальном поведении

молодой казахстанец уподобляется человеку, который говорит: «Я иду в душ, хочу смыть с себя азиатчину!», но при этом он моет только голову, чуть-чуть моется. Это говорит о том, что эта грязь ему приятна, он привык к ней» [1, с.158].

Маргинальность сознания и менталитета – вот главная характеристика поколения «миллениалов», толкающая многих из них к поиску своей культурной идентичности. Часто этот поиск приобретает причудливые формы «повторно изобретенных традиций» и мифологизации истории. Особо отличились в этом так называемые «казахоязычные кандидаты наук», которыми за короткий период становления национальной системы образования было наштамповано более трех сотен. Как правило, это люди, «которые не могут найти применение своим «казахским мозгам» в русифицированном обществе» [1, с.22]. Именно, миллениалы из этой когорты были активными участниками общественной дискуссии вокруг перехода казахской письменности с кириллицы на латиницу. Сроки завершения реформы заканчиваются в этом году, но основные цели так и не достигнуты, создав только массу новых проблем и трудностей как в образовательном поле, так и в информационном пространстве. Правда, как символический жест, демонстрирующий отход Казахстана от России, она состоялась.

Интересно, что экспертный опрос Совета по молодежной политике при Президенте РК в 2000 году показал, что 35% молодых респондентов считали США достойным примером для развития, 49% полагали, что таким примером должны стать страны Евросоюз, 11% предлагали в качестве примера Россию и только 5% указывали на уникальную модель развития страны [13]. А опрос 2015 года, проведенный Фондом им. Ф. Эберта, уже показал другие настроения молодежи: 47% молодежи идентифицировали Россию как страну, на которую Казахстан «должен ориентировать свое развитие», в то время как 19% считали, что ЕС должен быть передовой моделью, 10% - Китай и только 8% - США [5, с.166]. Что это, если не разочарование либеральными ценностями?

Однако либеральные ценности – это не только либеральный капитализм, феминизм и ЛГБТ, а еще и ответственная социал-демократия, которая предоставляет достойные человека социальные услуги и защищает его права и свободы. Миллениалы активно поддерживают политику «просвещенного авторитаризма» Нурсултана Назарбаева и являются активными сторонниками

культурной «казахизации» всех сторон общественной жизни (в терминологии Марты Брилл Олкот, Салли Каминс и др.). За последние несколько десятилетий власти в этом преуспели: Казахстан сегодня – это страна казахов, в которой этнические меньшинства представляют собой уменьшающуюся часть населения [2]. Препятствием культурный разлом между русифицированным городским миром и говорящим на казахском сельским миром преодолевается внутренней миграцией из сельской местности, тем самым разрывая городскую культуру традиционным образом жизни и архаичными культурными привычками аула.

Крупные города Казахстана сегодня становятся как этнически, так и лингвистически доминирующей сферой казахов, прежде всего, молодых, тех, кого мы описали ранее в традиционной модели социализации. Как факторы социализации они, безусловно, определили особенности следующего поколения «центениалов».

Центениалы – это подростки в возрасте от 10 до 19 лет, «дети либеральной экономики» и потребительского общества. Это 27,1% в структуре населения [5, с.131], молодежь которая «жила в мире политической стабильности и относительного материального достатка, развив сильную потребительскую культуру» [16, р.12]. Они родились «с кнопкой в пальце» в эпоху вседоступного Интернета, без которого они не мыслят свою жизнь. Такая плотная интеграция центениалов в цифровое общество сформировала ряд основных психологических свойств поколения:

- 1) отсутствие четкой границы между реальным и виртуальным миром;
- 2) визуальное восприятие информации;
- 3) «клиповое сознание» и мультизадачность;
- 4) эмоциональная депрессивность;
- 5) низкий уровень критичности мышления [12].

Центениалы – это поколение независимости, в терминологии Марлен Ляруэль «истинное поколение Назарбаева». Степень конформизма у них зашкаливает. Они далеки от революционного преобразования мира: они не бросают вызов ценностям и образу жизни своих родителей, доверяют семье больше чем какому-либо другому социальному институту (более 90%), строят свои отношения с родителями на партнерских доверительных отношениях (при этом родители далеко ни всегда являются авторитетом). Они выступают против ранних браков и одобряют запрет аборт (59,8%), мечтают завести не менее двух детей (37,1%) и жить в семье, где

доминирует отец (82,4%), считают девственность важным качеством девушки перед браком (56,8%) [6, с.105].

Поколение «центениалов» – сторонники здорового образа жизни: в рейтинге жизненных ценностей на первых позициях здоровое питание, 56% респондентов считают неприемлемым употребление алкоголя, 36% регулярно пользуются контрацептивами [6, с.36,38].

Постоянное нахождение в он-лайн, общение с большим количеством самых разных людей без привязки к расе, полу, внешности или месту проживания сформировало из центениалов, пожалуй, самое толерантное поколение. Исключение составляет общение с лицами нетрадиционной ориентации: 58% заявляют о нежелательности появления в своем близком окружении гомосексуалистов. При этом, не хотели бы соседствовать с преступниками 4% молодых респондентов, а с гомосексуалистами и лесбиянками – 16% [6, с.108].

В условиях экономической нестабильности обостряется ценность религии, которая позволяет молодежи чувствовать себя более стабильно. Около 80% поколения «зумеров» считают себя верующими, примерно столько же верят в существование рая и ада, из них только 5% заявляют, что соблюдают все религиозные обряды и предписания. Атеистического мировоззрения придерживаются лишь 2% молодых людей [6, с.114,116]. За короткий исторический период, повсеместно насаждаемый в советский период атеизм сошел на нет не случайно. Традиционализм как поведенческая модель казахов латентно присутствовал все семьдесят лет пребывания в составе Советского Союза. Казахский этнос так и не создал свой пролетариат – работали в основном рабочие некоренных этносов, именно они создали анклав индустриализации и урбанизации, а 80% населения были вне этих зон.

Центениалы – это аполитичное поколение. В среднем 40% вообще не интересуются политикой, еще столько же – интересуется иногда: 20% следят за обстановкой в странах СНГ, 10% - событиями в мире [6, с.135]. При этом большинство формирует свои политические взгляды, ориентируясь на мнение родителей (как правило, поколение X). Возможно, этим можно объяснить их положительное отношение к интеграционным процессам на постсоветском пространстве: 90% молодых казахстанцев одобряют создание Таможенного и Евразийского экономического союза.

Замеры политической социализации молодого поколения показывают их лояльность в

действующей власти. В рейтинге политического доверия на первом месте – президент и правительство. Но следует помнить, что высокий рейтинг доверия к власти совсем не гарантирует низкий уровень протестного настроения в молодежной среде. Протесты последних лет скорее показали активность «меллениалов, чем «центениалов», однако история учит, что не молодежь выступает инициатором протестного движения. Этим потенциалом скорее обладают старшие поколения («беби-бумеры» и «иксы»), на которых молодое поколение ориентирует свое политическое участие.

Не следует забывать, что казахстанский социум глубоко стратифицирован, но не по принципу социальных групп, а этнических. То есть получается некая пирамида, где наверху находятся этнические казахи, в руках которых находятся вся государственная власть и крупные финансовые структуры, далее – предприниматели в основном представители разных этнических меньшинств, затем – промежуточный слой в лице русско-европейского этноса, а, в самом низу – казахи, лишенные всего и проживающие в депрессивных, малодоступных регионах [7].

Молодежь этой группы, в первую очередь, дети оралманов, выступают как *поколение мейнстрима*, которое в публичном дискурсе выступает в роли националистической оппозиции. В этой связи, рассуждения Марлен Ляруэль о политическом будущем молодежи в Казахстане не лишены основания. Ранее построенная нами модель культурной идентификации и социализации не меняет векторов, лишь несколько радикализуется по идеологической линии: националистический полюс (национал-патриотов) и либерал-демократический полюс [14]. Первый – более изоляционистский, обращенный в прошлое, второй – более космополитичный, глобализированный, устремленный в будущее. Отличаются они и в плане поколений. Основу первой группы составляют, те кому за 40 лет (в основном поколение X), а второй – меллениалы и центениалы.

В условиях «деназарбаефикации», в терминологии Марлен Ляруэль, – процесса передачи власти – молодое поколение будет вынуждено четко определиться в своих социально-политических установках. Прежде всего, речь идет о все большем давлении националистического меньшинства на процессы «культурной казахизации» и отношения с Россией, а так же повышения статуса ислама в публичном пространстве. Вопрос: насколько это реалистично?

Молодое поколение казахов – *полилингвалы*, как правило, казахский, русский и английский языки. Соответственно, благодаря современным IT-технологиям они более интегративны: потенциал интеграции в любое другое социальное и этнокультурное сообщество у них значительно выше, чем у монолингвов. Билингвальное сознание более мобильно. Вместе с тем, они менее управляемые, вернее, ими сложнее манипулировать. Казахский язык для них лишь способ идентификации, в то время как русский и английский – инструменты интеграции в мировую культуру и науку, без которых невозможно стать конкурентоспособной личностью.

Примерно такая же ситуация и в плане религиозной идентификации. Традиционно, быть казахом – значит принадлежать исламской культуре и мусульманскому миру. Но в условиях геокультурной экспансии англо-американской культуры и западных стандартов жизни религиозные устои вряд ли станут привлекательными для поколения, зафиксированного на цифровом взаимодействии, где меньше человеческой коммуникации, больше техногенной. Уже сейчас видно, что дети и подростки лучше разбираются в технике, в чем-то материальном, чем в человеческих эмоциях и в человеческом поведении. Это отражается даже на общении детей с родителями: коммуникативная дистанция между ними увеличивается, и цепочка социального наследования, передачи опыта прерывается.

Отдельно следует сказать об идущих за «центениалами», детях «меллениалов» – поколении «Альфа». По определению австралийского ученого Марка МакКриндла, название «альфа» говорит о том, что старая хронология поколений обнулилась, и человечество начинает новый алфавит [18]. Это дети грядущей эры искусственного интеллекта, которые перевернут мир. Говорить о ценностях этого поколения еще рано, но уже сейчас ясно, что, чтобы конкурировать с искусственным интеллектом, им придется развивать эмоциональный интеллект (EI), который недоступен машинам. А значит им надо приобрести три основные компетенции – адаптивность, умение работать с информацией и способность находить психологический контакт с любым человеком. Все эти компетенции не вписываются в рамки традиционализма, а значит, в будущем, по мере развития казахстанского общества, актуальные проблемы в сфере культурной социализации молодых поколений будут решаться в русле глобальных тенденций.

Можно критиковать или идеализировать молодое поколение, пытаться встроить его в некие социокультурные схемы, но научные исследования показывают, что, несмотря на приверженность традиционным ценностям, в

своем развитии они близки общемировым трендам. Уверен, поколения «меллениалов» и, особенно «центениалов», отдадут себе отчет, что их будущее – в их руках.

Литература:

1. Бейсембаев С. Феномен казахского национализма в контексте сегодняшней политики: от отрицания к пониманию / С. Бейсембаев. - Алматы: Фонд Сороса-Казахстан, 2015. - 36 с.
2. Боонстра Й., Ляруэль М. Неведомые воды: преемственность президентской власти в Казахстане и Узбекистане / Й. Боонстра, М. Ляруэль // EUCAM Policy Brief. - 2014. - № 33.
3. Зайцева Н.А. Теория поколений: мы разные или одинаковые / Н.А. Зайцева // Российские регионы: взгляд в будущее. - 2015. - № 2(3). - С. 220-236
4. Омельченко Е.Л. Молодежные культуры и субкультуры / Е.Л. Омельченко. - Москва: Институт социологии РАН. - 264 с.
5. Молодежь Казахстана – 2016. Национальный доклад. Астана: НИЦ «Молодежь», 2016. - 364 с.
6. Молодежь Центральной Азии. Казахстан: На основе социологического опроса; под рук. проф. К. Хурельманна (Германия). - Алматы: Пред-во Фонда Ф. Эберта в Казахстане, 1916. - 660 с.
7. Перуссо Л. «Русский вопрос Казахстана»? / Л. Перуссо // Республика, 12 июля 2008. - С. 6.
8. Поколение ЯЯЯ: О том, почему современное поколение обречено на провал [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.adme.ru/svobodapsihologiya/pokolenie-yayaya-545955/>
9. Тесленко А.Н. Культурная социализация молодежи: казахстанская модель / А.Н. Тесленко. - Саратов-Астана: ЦНТИ, 2007. - 370 с.
10. Тесленко А.Н. Феноменология детства: Книга для взрослых / А.Н. Тесленко. - Астана. - 2015. - 270 с.

11. Тесленко А.Н. Менталитет как социокультурный механизм преемственности поколений (на примере социализации молодых казахстанцев) / А.Н. Тесленко // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Психология. - 2013. - № 3(14). - С. 150-160.
12. Шамис Е. В каких условиях растет поколение Милениум и Z и что станет их ценностями [Электронный ресурс] / Е. Шамис. - Режим доступа: <http://rugenations.su/2009/05/21>
13. 30 фактов о современной молодежи: исследование Сбербанка [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/files/pdf/youth_presentation
14. The Three Discursive Paradigms of State Identity in Kazakhstan. Kazakhness, Kazakhstannes and Transnationalism, in Mariya Omelicheva, ed., Nationalism and Identity Construction in Central Asia. Dimensions, Dynamics and Directions. Lanham: Lexington Books, 2014, p. 1-20.
15. Howe N, Strauss W. Millennials Rising: The Next Great Generation. N.Y. Knopf Doubleday Publishing Group. 2000. - 398 pp.
16. The Nazarbayev Generation: Youth in Kazakhstan (Contemporary Central Asia: Societies, Politics, and Cultures). L. - N.Y.: Lexington Books, 2019. - 342 p.
17. Shaputis, Kathleen. The Crowded Nest Syndrome: Surviving the Return of Adult Children. L.: Clutter Fairy Publishing, 2004.
18. McCrindle, Mark. Why we named them Gen Alpha // The ABC of XYZ: Understanding the Global Generations (1st ed.). - Australia. - 2009. - p. 199-212.

References:

1. Beisembaev S. The phenomenon of Kazakh nationalism in the context of today's politics: from denial to understanding / S. Beisembaev. - Almaty: Soros Foundation-Kazakhstan, 2015. - 36 p.
2. Boonstra J., Laruel M. Unknown waters: continuity of presidential power in Kazakhstan and Uzbekistan / J. Boonstra, M. Laruel // EUCAM Policy Brief. - 2014. - № 33.
3. Zaitseva N.A. The theory of generations: we are different or the same / N.A. Zaitseva // Russian regions: a look into the future. - 2015. - № 2 (3). - S. 220-236
4. Omelchenko E.L. Youth cultures and subcultures / E.L. Omelchenko. - Moscow: Institute of Sociology RAS. - 264 p.
5. Youth of Kazakhstan - 2016. National report. Astana: SIC "Youth", 2016. - 364 p.
6. Youth of Central Asia. Kazakhstan: Based on a sociological survey; at hand. prof. K. Hurelmann

- (Germany.). - Almaty: Representative of the F. Ebert Foundation in Kazakhstan, 1916. - 660 p.
7. Perusso L. "The Russian Question of Kazakhstan"? / L. Perusso // Republic, July 12, 2008. - S. 6.
8. Generation JAJA: About why the modern generation is doomed to failure [Electronic resource]. - Access mode: <http://www.adme.ru/svobodapsihologiya/pokolenie-yayaya-545955/>
9. Teslenko A.N. Cultural socialization of youth: the Kazakhstan model / A.N. Teslenko. - Saratov-Astana: CSTI, 2007. - 370 p.
10. Teslenko A.N. Phenomenology of childhood: Book for adults / A.N. Teslenko. - Astana. - 2015. - 270 s.
11. Teslenko A.N. Mentality as a sociocultural mechanism of succession of generations (on the example of socialization of young Kazakhstanis) / A.N. Teslenko // Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series: Psychology. - 2013. - № 3 (14). - S. 150-160.

12. Shamis E. Under what conditions is the Milenium and Z generation growing and what will become their values [Electronic resource] / E. Shamis. - Access Mode: <http://rugenerations.su/2009/05/21>

13. 30 facts about modern youth: a study by Sberbank [Electronic resource]. - Access mode: http://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/files/pdf/youth_presentation

14. The Three Discursive Paradigms of State Identity in Kazakhstan. Kazakhness, Kazakhstannes and Transnationalism, in Mariya Omelicheva, ed., Nationalism and Identity Construction in Central Asia. Dimensions, Dynamics and Directions. Lanham: Lexington Books, 2014, p. 1-20.

15. Howe N, Strauss W. Millennials Rising: The Next Great Generation. N.Y. Knopf Doubleday Publishing Group. 2000. - 398 pp.

16. The Nazarbayev Generation: Youth in Kazakhstan (Contemporary Central Asia: Societies, Politics, and Cultures). L. - N.Y.: Lexington Books, 2019. - 342 p.

17. Shaputis, Kathleen. The Crowded Nest Syndrome: Surviving the Return of Adult Children. L.: Clutter Fairy Publishing. 2004.

18. McCrindle, Mark. Why we named them Gen Alpha // The ABC of XYZ: Understanding the Global Generations (1st ed.). - Australia. - 2009. - p. 199-212.

22.00.04 -Социальная структура, социальные институты и процессы

